

Т. Т. ДАВЫДОВА

**М. Горький и Е. Замятин:
к проблеме литературных связей***

Как известно, между деятелями одной и той же национальной литературы и писателями-современниками могут существовать контактные, сравнительно-типологические и генетические литературные связи. Между творчеством М. Горького и Евг. Замятина существовали все три типа литературных связей.

Во-первых, Горький — знакомый и адресат Замятина, писатели часто встречались, относясь к одной и той же литературной среде послереволюционного Петрограда.

Во-вторых, творчество Горького 1900-х гг. близко замятинскому воссозданным в нем жизненным материалом и авторской оценкой, в чем обнаруживаются сравнительно-типологические схождения. В прозе этих прозаиков 1900-х гг. происходит расширение жизненного материала: географическое и социальное. Горький приглашает постранствовать вместе с ним «по Руси», Замятин художественно воссоздает жизнь русского «уездного» (повести «Уездное», «Алатырь»; рассказы «Чрево», «Кряжи», «Африка») и окраин — Дальнего Востока (повесть «На куличках»), Севера (повесть «Север») и, подобно Горькому, знакомит читателей с массовой Россией, с теми ее слоями, которые до тех пор не были предметом пристального изображения писателей-классиков XIX в. У Замятина это будни уездного мещанства и провинциального армейского гарнизона, посадских жителей, крестьян; у Горького — жизнь городского мещанства и бедноты, крестьянства и интеллигенции. При этом оба прозаика старались выявить общие закономерности русской действительности в широком обобщении с элементами символизации. Емкими символами всей

* Впервые: Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 4. С. 126–128.

России становились у Горького и Замятина русская провинция с ее косностью и еще не пробудившимися народными силами¹.

Существование бездуховной, сонной русской провинции изобразили Горький в «окуровском цикле» («Городок Окуров», 1909, «Жизнь Матвея Кожемякина», 1910), Замятин — в триаде произведений: повестях «Уездное», «На куличках» и «Алатырь». В некотором отношении близко и воссоздание монастырского быта в антицерковной повести Горького «Исповедь» (1908) и замятинских повести «Уездное» (1912) и рассказе «Знамение» (1918). Горький и Замятин в дореволюционной прозе создали и похожие типы героев — богоискателей, революционеров, неверующих и развращенных монахов, грешников, делающих карьеру ценой множества преступлений.

Герои-монахи из «Уездного» и «Знамения», как и горьковские персонажи отец Исаия из «Городка Окурова», протопоп, мать Феврония и игумен Савватеевской пустыни из повести «Исповедь», не способны быть образцами духовности и нравственности для общества, на что указывает и символическое название одной из глав «Уездного» — «Сумерки в келье». Поэтому ключом к их образам является в этой повести прежде всего быт.

Главный герой «Уездного» Анфим Барыба, ложным доносом обреченный на смерть друга, напоминает Вавилу Бурмистрова из «Городка Окурова». Вавило дважды предал «кривого смутьяна» Тиунова, а также слободскую среду, к которой он принадлежал, и переметнулся во время революции 1905 г. на сторону обывателей-горожан. Но Вавило, способный раскаиваться в грехе и искренне любить, все же человечнее великого грешника Барыбы². Образ Тимоши из «Уездного», связанный с нравственно-философской (человек и Бог) и социально-политической (революция 1905 года) проблемами, по своему социально-интеллектуальному типу напоминает горьковских богоискателя Матвея и Тиунова из повестей «Исповедь» и «Городок Окуров». Готовностью участвовать в революции 1905-го Тимоша также похож на горьковского Матвея, который нашел в конце своих странствий по Руси правду в учении революционеров-«богостроителей» с Исетского завода. И все же

¹ Келдыш В. А. 1) Критический реализм (1890-е гг. — 1907 г.) // История всемирной литературы: в 8 т. М.: АН СССР, 1994. Т. 8. С. 46–54; 2) Русский реализм начала XX века. М.: Наука, 1975.

² Касторский С. В. «Городок Окуров» и повесть Е. Замятина «Уездное» // Касторский С. В. Повести М. Горького «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина». Л.: Сов. писатель, 1960. С. 326; Niqueux M. Uezdnoe (Choses De Province) de Zamiatine et le debat sur le peuple russe apres la revolution de 1905 // Autour De Zamiatine. Colloque Universite De Lausanne (Juin 1987, Lausanne). Lausanne, 1989. P. 50.

у Замятина, как и у Горького в «Городке Окурове», революция не изображена: у первого показана мечта о ней (Тимоша — потенциальный участник революционных событий), у второго — анархический бунт.

Созвучны в философском отношении размышления Горького и Замятина о «русской душе» (дореволюционная повесть «На куличках»).

Поэтика дореволюционной прозы Горького и Замятина близка ориентацией на традиции русской реалистической сатирической прозы XIX столетия, прежде всего на произведения Н. В. Гоголя.

Сюжет «Уездного», структурно аморфный, как и сюжеты «окуровской дилогии», напоминает действие повестей Гоголя.

Замятин часто прибегает к напоминающим поэтику «Мертвых душ» снижающим сравнениям человека с животным. Есть такие сравнения и у Горького, который сравнивает «робкие глаза» окуровского поэта Симы Девушкина с глазами овцы, стройное тело Бурмистрова со звериным телом, его речь со звериным воем. Глаза Вавилы в те дни, когда он озорничал, смотрели «на все злобно, с тупой животной тоской», в дни революции 1905 года растерявшиеся обыватели напоминают «стадо овец, потерявшее козла-вожатого», верша расправу над Вавилой, они терзают его, «точно псы отсталого волка <...>»³. В «Уездном» Анфим Барыба сопоставляется с курицей, волком, тараканом, бараном и — обобщенно, без конкретизации — со зверем. Художественный эффект от сравнения с бараном, открывающего описание Барыбы в сцене ограбления чуриловского трактира, усиливается указанием на присущее герою антижития звериное «чутье», и все это перерастает в конце описания в обобщенный образ Анфима-зверя. Подобные тропы раскрывают его тупость и развитое в нем животное начало и, главное, почти полное отсутствие у него души и совести. А раз у героя повести антижития почти нет души, то почти нет в ней и Бога. Снижающие сравнения и метафоры Замятин использует и при создании образов представителей уездного духовенства, с присущими ему, по мысли писателя, бездуховностью, необразованностью, безнравственностью. Тем самым создается групповой сатирический портрет. Подобные сравнения у Горького, как и у Замятина, являются характерообразующими.

Вместе с тем поэтика трех дореволюционных повестей Замятина и отличается от художественных принципов реалистической нраво-описательной повести, тех же «Городка Окурова» и «Жизни Матвея Кожемякина». Благодаря урокам А. П. Чехова, Замятин стал широко пользоваться намеками и подтекстом, в его произведениях появилась импрессионистическая атмосфера.

³ Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 т. Художественные произведения. М.: Наука, 1971. Т. 10, С. 23, 29, 31, 116, 122.

Тем не менее, Горький был в восторге от «Уездного». Он советовал в июле 1917 г. Е. П. Пешковой: «Прочитай “Уездное” Замятина, получишь удовольствие»⁴ — и даже сравнил его со своей повестью: «Этот “Городок Окуров” — вещь, написанная по-русски, с тоскою, с криком, с подавляющим преобладанием содержания над формой». Повесть Замятина так и осталась в его творчестве, по мысли Горького, высказанной им много лет спустя, непревзойденным шедевром⁵.

Признание самобытности ранней прозы Замятина Горьким проявилось и в том, что он публиковал замятинские произведения в издававшейся им периодике: в журнале «Летопись» (№ 4 за 1916 г.) он опубликовал подборку сказок «Бог», «Дьячок», «Петька» (впоследствии заглавие изменено на «Дряннь-мальчишка»), в газете «Новая жизнь» — политическую сказку «Глаза» (1918. 10 марта (№ 39). С. 2). При содействии Горького в руководимом им издательстве З. И. Гржебина в 1921–1922 гг. было выпущено Собрание сочинений Замятина в трех томах⁶.

Творческая близость двух писателей еще больше усилилась в первой половине 1920-х гг., когда Горького с Замятиным объединило активное участие в строительстве новой культуры: работа в издательстве «Всемирная литература», покровительство молодым писателям из группы «Серапионовы братья», прежде всего т. н. «сюжетникам», так как бытописателю Горькому в этот период больше всего импонировала сюжетная проза. Не случайно он высоко оценил первые произведения В. А. Каверина и Л. Н. Лунца и для редактировавшегося им журнала «Беседа» из всех присланных «серапионами» рукописей взял лишь драму Л. Н. Лунца «Город правды» и его программную статью «На Запад!». Это вдруг оказалось близко Горькому, который экспериментировал в «Заметках из дневника. Воспоминаниях» и «Рассказах 1922–1924 годов» с фантастикой, символическим подтекстом, иронической стилизацией и пародированием. Неслучайно и то, что после смерти Лунца Горький написал статью-некролог «Памяти Л. Лунца»⁷.

О теплом отношении к Горькому «серапионовых братьев», считавших его, наряду с Замятиным, учителем, можно судить, в частности, по переписке Вс. Иванова с Горьким конца 1910–1930-х гг.⁸ и черново-

⁴ Цит. по: Примочкина Н. Н. Горький и журнал «Русский Современник» // НЛЮ. 1997. № 26. С. 179.

⁵ Горький М. [О Е. Замятине] // Архив А. М. Горького. Т. 12. М., 1969. С. 218, 360.

⁶ См.: Примочкина Н. Н. Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 182.

⁷ Лунц Л. Н. Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007. С. 538.

⁸ Иванов Вс. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М.: Сов. писатель, 1985. 479 с.

му варианту статьи Н. Никитина 1957 г. о Замятине: «Ведь и я мог бы пойти за этим проклятым “замятинским” “орнаментом”. Что бы тогда случилось со мной? Но у меня была иная жизнь, “иные нравы”, иная среда, далекая от воззрений литературного Парнаса того времени. Это меня и спасло. И был А. М. Горький. Не будь его целительного и мудрого влияния, пришлось бы с большими трудностями выходить из этого “стилистического” плена»⁹.

Последним общим делом, вновь сблизившим Горького и Замятина, а также А. Н. Тихонова, А. М. Эфроса и К. И. Чуковского, стала совместная работа в 1924 г. над независимым литературно-художественным журналом «Русский современник», издававшимся в Ленинграде. Горькому импонировало стремление редакторов издания объединить под одной обложкой представителей двух ветвей русской культуры — метрополии и эмиграции: ведь и он издавал в этот период за рубежом журнал «Беседа», поэтому предоставлял право «Русскому современнику» печатать и свои произведения. В № 1 журнала были опубликованы «Рассказ о самом главном» (1923) Замятина и очерки Горького «Из воспоминаний: I. Испытатели. II. Смешное. III. Садовник. IV. Законник. V. А. А. Блок» (с. 42–66) и «Владимир Ленин» (с. 229–244); в № 2 — статья Замятина «О сегодняшнем и о современном», имевшая значение программного материала этого издания, доклад Замятина, сделанный в виде предисловия к чтению отрывков из романа «Мы», и рецензия на книгу Н. Никитина «Сейчас на Западе»; в № 3 — рассказ Горького «Анекдот» (с. 45–73) и «Воспоминания о Блоке» Замятина; в № 4 — замятинский рассказ «О том, как исцелен был инок Еразм» из цикла «Чудеса», или «Нечестивые рассказы» (1917–1924) и воспоминания Горького «О С. А. Толстой» (с. 167–177). Несмотря на столь активное сотрудничество Горького с «Русским современником», довольно скоро наметились его мировоззренческие и эстетические расхождения с членами редакции этого журнала, для чего были причины.

К 1925 г., периоду работы над романом «Дело Артамоновых», Горький изменил свою творческую манеру: вновь вернулся к прежней реалистически психологической прозе и в связи с такой эволюцией разочаровался во многих представителях «новой прозы» как течения явно модернистского и стал критиковать прежде высоко ценимых им Е. Замятина, А. Белого, Б. Пильняка¹⁰.

⁹ Никитин Н. Н. Статья о Е. И. Замятине. Черновой автограф и машинопись // РГАЛИ. 2575.1.146.

¹⁰ Примочкина Н. Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 165, 178.

Горький критически оценил замятинские «Рассказ о самом главном» и рассказ «О том, как исцелен был инок Еразм». «Рассказу о самом главном» он вынес суровый приговор, заявив, что он написан «по Эйнштейну»¹¹. Вообще Горькому было присуще представление о том, что творчество Замятина зависимо от естественнонаучных представлений и математических формул: «<...> знания математики очень заметно мешают инженеру Замятину развить свой талант в широту и глубину. В его лирику вторгается арифметика, а он думает, что это “психологический анализ”»¹².

В замятинском шутивно-озорном рассказе об иноке Еразме Горький не принял иронию, направленную не на социально-политические явления, как в повести «Уездное», а на биологически-эротические — необходимое для монахов целомудрие. «Он хочет писать как европеец, изящно, остро, со скептической усмешкой, но, пока, не написал ничего лучше “Уездного” <...>»¹³ — не скрывал своего раздражения Горький. В горьковских произведениях тех лет тоже немало критического, но его авторская позиция иная — серьезная, а не ироничная. Да и жанр новеллы уже казался Горькому, рисовавшему в «Деле Артамоновых» широкое социальное полотно, легковесным, не отвечавшим задачам современности.

Горький критиковал и замятинский рассказ «Слово предоставляется товарищу Чурьгину», основанный на сказе, изобиловавший неправильными словечками и оборотами малообразованного заглавного персонажа, «за неуклюжее подражание Зоценко»¹⁴.

Определенную роль в охлаждении Горького к Замятину могла сыграть обида, вызванная публикацией замятинских «Воспоминаний о Блоке», та бесцеремонность, с которой Замятин представил в этом тексте сложное отношение Горького к Блоку: «Будьте любезны сказать Замятину, что не следует столь безоговорочно и решительно наклеивать на человека еще живого субъективные и ошибочные мнения о нем. Хотя я считаю Блока очень интересным человеком и многому удивлялся в нем, но любить его не мог»¹⁵, — писал Горький 23 октября 1924 г. А. Н. Тихонову.

Завершением неприятия Горьким замятинской социально-политической и философской фантастики стала критика романа-антиутопии «Мы». «Читал в “Воле России” “Мы” Е. И. Замятина, — не понра-

¹¹ Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 388.

¹² Цит. по: *Примочкина Н. Н.* Писатель и власть. С. 185.

¹³ *Горький М.* [О Е. Замятине]. С. 218.

¹⁴ *Горький М.* Письма А. Н. Тихонову // Горьковские чтения. 1953–1957. М., 1959. С. 56.

¹⁵ Цит. по: *Примочкина Н. Н.* Писатель и власть. С. 184.

вилось»¹⁶, — делился своими впечатлениями от этого произведения Горький в письме к А. Н. Тихонову от 10.III.1927 г. из Сорренто, в котором, кстати, образ юноши-революционера, почитаемого членами организации «Мефи», явная отсылка к горьковскому Данко. Здесь и в следующем случае имели место и генетические связи творчества Замятина с горьковскими текстами.

Горький способствовал возникновению у Замятина замысла его трагедии «Атилла». 27 марта 1919 г. в издательстве «Всемирная литература» Н. С. Гумилев в присутствии Горького и К. Чуковского излагал Блоку «свою теорию о гуннах, которые осели в России и след которых историки потеряли. Совдепы — гунны»¹⁷. Позднее, в мае 1919 г., на заседании Секции исторических картин «Горький предложил тему “Гунны — прием Атиллой римских послов” в качестве возможной темы пьесы. Возможно, что тогда же и возник у Замятина замысел “Атиллы” и романа “Бич Божий”»¹⁸. Горький энергично старался помочь Замятину в постановке этой пьесы в ленинградском БДТ: написал официальный отзыв, в котором высоко оценил ее «героический тон» и «героический сюжет»¹⁹. Однако и хлопоты Горького не дали положительных результатов. Во время начавшейся осенью 1929 г. официальной кампании против Замятина постановка «Атиллы» стала невозможной. «Гибель моей трагедии “Атилла” была поистине трагедией для меня: после этого мне стала совершенно ясна бесполезность всяких попыток изменить мое положение <...>»²⁰ — с горечью признался писатель впоследствии, в июне 1931 г., в письме к Сталину.

Несмотря на мировоззренческие и художественные расхождения двух писателей, Горький неизменно поддерживал своего собрата по перу во время кампании 1929 г., направленной против писателей-«попутчиков», и оставался для Замятина авторитетным знатоком литературы. Так, последний писал в письме от 24.VIII.1928 г. режиссеру Ленинградского театра драмы Н. В. Петрову, рекомендуя к постановке

¹⁶ Горький М. Письма А. Н. Тихонову. С. 55.

¹⁷ Цит. по: Ерыкалова И. Е. К истории создания пьесы Е. И. Замятина «Атилла» // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Тамбов, 1997. Кн. 3. С. 138.

¹⁸ Shane A. The Life and Works of Evgenij Zamyatin. Berkely; Los Angeles, 1968. P. 43.

¹⁹ Примочкина Н. Н., Примочкин Б. П. М. Горький и Е. Замятин: (К истории творческих взаимоотношений) // Творчество М. Горького в художественной системе социалистического реализма: Горьковские чтения — 1986. Горький, 1986. Ч. 1. С. 109.

²⁰ Замятин Е. И. Избр. произведения: в 2 т. М.: Художественная лит-ра, 1990. Т. 2. С. 406.

в его театре пьесу М. Е. Левберг «Монтана»: «Пьеса, по-моему, интересная. Я знаю, что ее читал Горький и она ему понравилась»²¹. Не случайно, благодаря хлопотам Горького, в 1931 г. перед правительством СССР по поводу выдачи Замятину разрешения на выезд за границу «черт советской литературы» (так Замятин назвал себя в письме Сталину) смог покинуть Россию.

Но и за границей контакты двух писателей не прекратились. Замятин написал сценарий по пьесе «На дне» (соавтор Ж. Компанеец), воспоминания «М. Горький», а также высоко оценил литературно-организационную деятельность Горького в статье «Москва — Петербург». В статье утверждалось, что в первые послереволюционные годы «даже и Горький <...> в какой-то мере оказался в “петербургских” рядах, в литературной оппозиции»²². Это утверждение и многочисленные историко-литературные факты свидетельствуют, что в мировоззрении Горького и Замятина было немало общего и что каждый из них по-своему участвовал в создании послереволюционной культуры и представлял ее за рубежом. Своим огромным авторитетом художника слова с первоклассным талантом и европейской образованностью Евгений Замятин близок Максиму Горькому.

²¹ «...Я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь». Письма Е. И. Замятина разным адресатам // Новый мир. 1996. № 10. С. 149.

²² Замятин Е. И. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 2010. Т. 4. Беседы еретика. С. 246.